Александр Фатеев

Возвращение Кейвора

Александр Фатеев

Возвращение Кейвора

«Автор»

2026

Фатеев А.

Возвращение Кейвора / А. Фатеев — «Автор», 2026

Викторианская эпоха не закончилась.Мистер Бедфорд не оставляет надежду вернуться на Луну за своим другом Кейвором, этому даже не препятствует его женитьба....

© Фатеев А., 2026
© Автор, 2026

Александр Фатеев
Возвращение Кейвора

Золотая лихорадка земного тяготения

Часть первая. Лондон

Лондон встретил меня свинцовым небом и запахом мокрой брусчатки. После хрустального холода лунных долин, после разреженного, звенящего безмолвия, где каждый вздох отдавался в висках, земная сырость казалась удушающей. Я вернулся в мир биржевых сводок, кэбов и тусклого газа, но душа моя осталась там, на мёртвой стороне, погребённая под слоем серебристой пыли вместе с моим другом. Мистер Кейвор. При одной мысли о том, как он сидит сейчас в своём стеклянном гробу, окружённый исполинскими селенитами, чей разум холоден и непостижим, как геометрия кристалла, меня начинало трясти. Я не мог, не имел права оставить его там.

Но как вернуться? Кейворит — этот дьявольский сплав, отрицавший само ньютоново тяготение, — был утерян. В моих карманах гулял ветер, а в голове — лишь обрывки формул, которые я подслушал в полусне, пока наш шар уносил нас сквозь ледяную пустоту.

И всё же я хотел жениться. Правда хотел. Я вспоминаю, как она ждала меня в церкви Святой Марии — в подвенечном платье, с лавандой в руках, с ясными глазами, в которых было столько надежды, что я не мог смотреть. Я женился на ней. А через неделю улетел, соврав, что получил наследство в Шотландии и должен немедленно выехать.

Она поверила. Поцеловала меня на прощание. Я вышел за дверь и не оглянулся.

Моим спасением, моим земным провидением стал мистер Джулиус Вендиджи. Я встретил его в душной, пропахшей озоном и карболкой лаборатории на окраине Гринвича. Это был не последний человек в британской науке: его статьи о сплавах и тугоплавких соединениях цитировали в Королевском обществе, а его собственные опыты с металлами при высоких температурах уже не раз приводили к неожиданным результатам. Он был из тех одержимых, чьи глаза вечно воспалены от бессонницы, а пальцы навсегда пожелтели от реактивов. Сначала он принял меня за сумасшедшего, за одного из тех жалких фантазёров, что пишут в газеты о марсианских каналах. Но когда я, сбиваясь и задыхаясь, начал чертить на пыльном лабораторном столе схему лунного шара,

когда описал ему вязкую, маслянистую природу металла, меняющего вес, — в его глазах вспыхнул хищный, научный огонь. Я не стал скрывать цели. Я рассказал ему всё: о Луне, о шаре, о Кейворе, оставшемся в подлунных пещерах. Вендиджи слушал молча, а потом сказал только:

— Значит, антигравитация. Что ж. Это стоит того, чтобы попробовать.

И с той минуты он работал не как наёмник, а как одержимый.

Мы нашли лабораторию Кейвора в Кенте. Она стояла заколоченная, заросшая диким плющом, словно склеп. Внутри, среди разбитых колб и пожелтевших чертежей, пахло пылью и давней неудачей. Месяцы мы провели в этой гробнице чужого гения.

Вендиджи оказался гениальным компилятором. Он собирал кейворит по крупицам, как безумец собирает разбитое зеркало: по удельному весу, по спектру преломления, по едва уловимому звону, который издавал осколок, если уронить его на камень. Он знал, ради чего мы возимся, и это знание подгоняло его не хуже, чем меня.

И вот однажды декабрьской ночью тигель вспыхнул слепящим, неземным светом. На дне его застывала матово-белая масса, лёгкая, как дыхание, и абсолютно глухая к зову Земли.

Первым делом я настоял на постройке летающей платформы. Это была грубая, сколоченная из ясеня доска размером с крышку рояля, окантованная по периметру тонким желобом, в котором покоилась лента

воссозданного металла.

— Вы безумец, Бедфорд, — бормотал Вендиджи, затягивая последний латунный болт. — Эта штука перевернётся от одного вашего чиха.

— На Луне не чихают, — отрезал я. — Там нет пыли, которая щекочет ноздри.

Я встал на доску, повернул медный реостат, и доски под моими ногами с тихим стоном оторвались от каменного пола. Сердце пропустило удар, а затем забилось где-то в горле. Я не летел — я падал вверх, в серый лондонский потолок. Тяжёлая портьера, до которой я случайно коснулся краем доски, внезапно потеряла вес и медленно, как во сне, поплыла к люстре. Я был пьян этим чувством. Я был богом, отменившим закон

всемирного тяготения одним поворотом латунной ручки.

Вендиджи, забыв о страхе, прыгал внизу, требуя опустить аппарат. Я сместил центр тяжести, желая сделать изящный круг под сводами старой оранжереи. Дерево протестующе заскрипело. Реостат, этот грубый предок штурвала, подался слишком сильно. Земля с чудовищной скоростью рухнула вниз. Крыши домов, шпили церквей, чёрная лента Темзы — всё превратилось в пёструю лоскутную карту. Лондонский туман превратился в ледяной нож, режущий щёки. Я взлетел на добрую сотню футов, не в силах остановить этот пьяный, неуправляемый танец. В ушах выл только ветер.

Паника была секундной. Вспомнив, как Кейвор гасил тяготение, я не стал полностью

отключать ток, а начал лихорадочно, по миллиметрам, ослаблять его, пытаясь поймать ту грань, где падение превращается в планирующий спуск. Доска выровнялась. Меня пронесло над крышами Блумсбери и, потеряв ещё десяток футов высоты, швырнуло прямо в кроны вязов нашего сада. Я упал в мокрую листву, оглушённый, с разбитой губой, но живой. Платформа, лишившись управления, перевернулась в воздухе и рухнула в розовый куст, превратив его в серебристую, невесомую труху.

Вендиджи нашёл меня через четверть часа. Он тряс меня за плечи, заглядывал в глаза и смеялся, как ребёнок:

— Вы живы! К чёрту вашу Луну, Бедфорд! Мы продадим эту доску военным! Мы станем богаче королей!

Я молча стёр кровь с подбородка. Он знал о Луне, знал, ради чего мы строим аппарат, — но в эту минуту в нём снова заговорил делец. Золото, слава, броня для дредноутов — всё это было пылью. Там, в четверти миллиона миль отсюда, умирал от одиночества и чужой атмосферы создатель этого металла.

А потом пришла весть.

Дворецкий, пробормотав извинения, протянул мне на серебряном подносе узкий серый конверт, запечатанный сургучом Королевской обсерватории в Гринвиче. На конверте торопливым почерком было выведено: «Мистеру Бедфорду. Срочно. Лично в руки».

Я взял его холодеющими пальцами.

Внутри лежал лист папиросной бумаги — отпечатанная на машинке расшифровка радиотелеграммы. Вверху стояло:

«Принято Королевской обсерваторией, Гринвич. Источник — Луна. Волна 31 метр. Азбука Морзе. Повторялось три ночи подряд. Передано для мистера Бедфорда по его личной просьбе».

Ниже, с пропусками и неизбежными ошибками, шёл текст.

«БЕДФОРД БЕДФОРД Я КЕЙВОР ТЧК ЖИВ ТЧК СЛУШАЙ ВНИМАТЕЛЬНО ТЧК ОНИ НЕ ТАК ПРОСТЫ КАК МЫ ДУМАЛИ ТЧК У НИХ ЕСТЬ ДРУГИЕ ТЕХНОЛОГИИ НЕ ТОЛЬКО РАДИО ТЧК ОНИ ИЗУЧАЮТ НАШУ ПЛАНЕТУ

ТЧК Я СЛЫШАЛ ИХ РАЗГОВОРЫ О ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗЕМЛЮ ТЧК ЕСЛИ ОНИ РЕШАТ МЫ ПОГИБНЕМ ТЧК Я УБЕДИЛ ИХ ЧТО ТЫ ВЕРНЁШЬСЯ С КЕЙВОРИТОМ ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ ТЧК ЭТО НАШ ШАНС ТЧК ПРИВЕЗИ КЕЙВОРИТ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ ТЧК НЕ ВЕРЬ НИКОМУ КТО ПРИДЁТ ОТ ИХ ИМЕНИ ТЧК ВХОД В ПЕЩЕРЫ ТАМ ГДЕ ТЫ ОСТАВИЛ ШАР НО НИЖЕ НА ТРИСТА ШАГОВ У СУХОГО КРАТЕРА С ТРЕМЯ ЗУБЦАМИ ТЧК ЖДИ ПОЛНОЧЬ ТЧК ОНИ СЛУШАЮТ НО НЕ ВСЁ

ПОНИМАЮТ ТЧК ФОРМУЛУ НЕ ПЕРЕДАМ ПО РАДИО ТЧК БЕРЕГИСЬ ГОЛОСОВ ТЧК КЕЙВОР»

Я перечитал листок трижды. Потом сел в кресло, потому что ноги перестали держать.

Кейвор жив. Кейвор жив и передаёт с Луны. Но главное было не в этом. Селениты — эти

холодные, геометрически мыслящие существа — не просто держали его в плену. Они изучали Землю. У них были технологии, о которых мы не имели представления. И они думали о том, чтобы нанести удар. Кейвор убедил их, что я вернусь с кейворитом для переговоров. Это был блеф, отчаянная попытка выиграть время. Но это был и шанс: если я привезу достаточно металла, если мы сможем договориться — или, если понадобится, защититься.

Я не мог остаться. Не мог делать вид, что Луна — это просто пятно на ночном небе.

Вендиджи я нашёл в лаборатории к полуночи. Он сидел над чертежами и жевал остывший тост.

— Джулиус, — сказал я. — Помните, вы

мечтали продать кейворит военным?

Он поднял голову.

— Так вот. Забудьте. У меня есть дело получше. Мы летим на Луну. И мы везём с собой столько кейворита, сколько сможем уместить в шар.

Его лицо вытянулось.

— Но… вы же только что женились!

— Женился, — согласился я. — Но это не значит, что я могу сидеть сложа руки.

Мы строили новый аппарат шесть недель. На этот раз это был не доска, а настоящий шар — небольшой, тесный, но с запасом воздуха и провизии на двоих и с трюмом,

набитым кейворитом под самые люки. По периметру шара шли сегментные шторки: когда они смыкались, кейворитовая оболочка охватывала корпус со всех сторон, и шар терял вес; когда раздвигались — металл уходил в пазы, и аппарат снова подчинялся притяжению.

Вендиджи ворчал, что мы летим на верную смерть, что селениты разберут нас на части, что металла у нас столько, что шар может не подняться. Я не слушал. Я смотрел на Луну каж-

дую ночь, и она становилась всё больше, всё ближе. В кармане у меня лежала радиотелеграмма, истёртая на сгибах, с тремя словами, которые я повторял, как молитву: «Жди полночь. Кейвор».

Часть вторая. Луна

Мы стартовали в безлунную ночь, с пустоши в Девоне, подальше от любопытных глаз. Шторки были закрыты: кейворитовые пластины сомкнулись в сплошную оболочку, и шар поднялся бесшумно, легко, словно его вытолкнула сама Земля. Внизу поплыли крыши, поля, чёрная лента реки; потом Земля начала уменьшаться — сначала медленно, потом всё быстрее, пока не превратилась в голубой шар, подёрнутый белыми завитками облаков. Вендиджи вцепился в поручень и молился. Я смотрел вперёд.

Луна росла. Серебристая, мёртвая, прекрасная. Я знал, что где-то там, в подлунных пещерах, мой друг ждёт меня. И что на этот раз я не улечу без него.

— Пора ловить притяжение, — сказал Вендиджи. — Открывай.

Я потянул рычаг. Шторки разошлись, кейворитовая оболочка распалась на сегменты и ушла в пазы, обнажив обычный металл корпуса. И тотчас шар словно налился свинцом. Луна

в иллюминаторе качнулась и стала стремительно расти. Чужое, резкое притяжение подхватило нас, потянуло к серой поверхности, и в ушах зашумело от нарастающей скорости.

— Не разгоняйся! — крикнул Вендиджи. — Закрывай!

Я сдвинул шторки наполовину. Кейворит снова лёг на корпус, тяжесть отпустила, и падение превратилось в скольжение. Я то

прикрывал оболочку, то открывал её, ловя ту грань, где притяжение тянет вниз, а кейворит гасит скорость. Вендиджи считал вслух:

— Сто футов… пятьдесят… двадцать… Закрывай больше!

Я закрыл шторки почти полностью. Шар завис в десятке ярдов над поверхностью, чуть покачиваясь, — серая пыль и камни были совсем близко, и в их тени угадывался сухой кратер с тремя зубцами.

— Теперь открывай потихоньку, — сказал Вендиджи. — Пусть притяжение само его посадит.

Я развёл шторки на ширину ладони. Шар мягко, почти беззвучно, опустился на лунную пыль.

Мы сели в ночь. Я не сразу понял, что это снег. Поверхность под нами чуть просела и взметнулась серебристой пылью. В иллюминаторе было черно — только звёзды, крупные и злые, и где-то на краю неба тонкая серебряная полоска, обещавшая скорый рассвет. Луна была повёрнута к нам своей ночной стороной, и воздух её, как я знал, за ночь вымерзал и ложился на грунт снегом. Мы сели прямо в этот снег. Он был странный — не пушистый, а

какой-то стеклянистый, хрупкий, и когда я потом, уже в скафандре, зачерпнул его горстью, он рассыпался в пыль, не тая.

— Ну, — сказал Вендиджи, глядя на термометр, — минус сто двадцать по Фаренгейту. Если выйдем без костюмов, через минуту превратимся в сосульки.

Костюмы мы готовили заранее. Водолазные скафандры, купленные по дешёвке у одного отставного инженера с дока в Чатеме, мы переделали основательно: заменили стёкла на толстые, двойные, с прослойкой из кейворитовой крошки — не для тепла, а чтобы не треснули от холода; вшили меховые подкладки; к шлемам приделали медные трубки с клапанами, а к ранцам — небольшие баллоны со сжатым воздухом, которых, по нашим расчётам, должно было хватить на несколько часов. Вендиджи настоял на том, чтобы взять и верёвку, и два ледоруба, и карманный компас, и электрический фонарь — последний, правда, работал от батареи, которая на морозе садилась за считанные минуты, и я не очень на него надеялся.

Мы оделись молча, как солдаты перед боем. Скафандры были тесные, неудобные, и в них сразу стало душно. Я проверил клапан, вздохнул несколько раз, чтобы убедиться, что воздух идёт, и кивнул Вендиджи. Он открыл люк.

Холод ударил даже сквозь мех — не ветром, потому что ветра не было, а какой-то глухой, неподвижной стужей. Я выбрался наружу и встал на поверхность Луны. Снег под ногами

скрипел и проваливался, как сахарный. Над головой висели звёзды, и не было ни воздуха, ни звука — только моё собственное дыхание в трубке да стук сердца. Я сделал несколько шагов. Тяжесть была странная: я весил вшестеро меньше, чем на Земле, и от каждого шага подпрыгивал, как резиновый мяч. Вендиджи вылез следом и тотчас же, забывшись, оттолкнулся слишком сильно и

улетел бы футов на десять, если бы я не поймал его за ремень.

— Осторожнее, — прохрипел я в трубку, хотя он меня не слышал — связи между скафандрами у нас не было, и мы могли объясняться только знаками.

Мы двинулись к кратеру с тремя зубцами. Он был виден издалека — три острые скалы, торчавшие из снега, как обломанные зубы. Я шёл первым, освещая дорогу фонарём, который то вспыхивал, то гас. Вендиджи шёл за мной, держась за верёвку. Снег становился глубже, ноги проваливались по колено, и каждый шаг отнимал больше сил, чем я ожидал. Я смотрел на кратер и думал: вот он, вход, сейчас мы найдём его — и всё будет кончено.

Но входа не было.

Мы обошли кратер кругом. Мы обшарили каждый выступ, каждую расщелину между зубцами, каждую тень. Ни трещины, ни дыры, ни намёка на спуск. Я чертыхался в трубку, и звук собственного голоса раздражал меня. Вендиджи разводил руками и показывал на часы:

воздух в баллонах таял. Мы вернулись к шару, и я впервые почувствовал, как холод подбирается к пальцам даже сквозь мех.

— Нужно подняться, — сказал я, когда мы снова забрались в шар и сняли шлемы. — С высоты виднее. Может, мы просто не туда смотрим.

Вендиджи устало кивнул. Он был бледен, и я понял, что он тоже порядком вымотался.

Мы поднялись. Шторки закрылись, шар потерял вес и взмыл над кратером на сотню футов. Я развернул его, и мы стали медленно кружить над равниной, всматриваясь в иллюминатор. Сверху снег казался ровным и белым, как простыня, и только тени от скал чернели на нём, как трещины. Я водил шаром взад и вперёд, пока Вендиджи вдруг не схватил меня за руку и не ткнул пальцем в стекло.

Я посмотрел.

В сотне ярдов от кратера, там, где снег уходил в неглубокую ложбину, темнело что-то, не похожее на тень. Я опустил шар ниже. Это была дыра — широкая, с неровными краями, и снег вокруг неё был вытоптан, словно по нему ходили много раз. Вход в

пещеры.

— Вот она, — выдохнул Вендиджи. — Вот она, проклятая.

Я развернул шар и повёл его к ложбине. Мы сели в двух шагах от дыры, и я снова натянул шлем. Теперь я знал, куда идти.

Труба уходила вниз почти отвесно. Я посветил фонарём — луч утонул в темноте, не достав до дна. Края её были гладкие, словно отполированные водой или временем, и от них тянуло холодом, который пробирал даже сквозь мех. Снег на краю обрыва обрывался резко, как обрезанный ножом, и под ним чернела пустота.

Вендиджи потянул меня за рукав и показал знаками: верёвка. Я кивнул. Мы закрепили

конец за выступ скалы у входа, обвязались оба — я первый, он за мной, — и я шагнул в трубу.

Первые несколько футов я скользил, упираясь спиной и локтями в стенки. Потом труба пошла шире, и я повис на верёвке, раскачиваясь над бездной. Фонарь, привязанный к поясу, выхватывал из темноты кольца камня — серые, с рыжими прожилками, — уходящие вниз,

вниз, вниз. Я спускался медленно, перехватывая верёвку руками, и с каждым футом холод становился глубже, а воздух в трубке — суше и острее. На глубине примерно тридцати футов стенки трубы начали светиться. Слабый, зеленоватый свет, как от гнилушек в земном лесу, проступал из трещин и прожилок, и в этом свете я увидел, что труба расширяется, переходя в наклонный туннель.

Я дёрнул верёвку дважды — условный сигнал. Через минуту Вендиджи был рядом, и мы стояли на каменном выступе, глядя вниз.

Туннель уходил вглубь и вбок, и от него, как ветви от ствола, расходились другие проходы. Сеть пещер. Я насчитал не меньше пяти ходов, и каждый был достаточно широк, чтобы в него прошёл человек. Свет из стен становился ярче, и теперь я различал, что это не просто свечение, а тонкие, ветвящиеся нити, похожие на плесень или на корни растений, проросшие сквозь камень. Они пульсировали едва заметно, и от этого казалось, что сама пещера дышит.

Мы двинулись вниз по главному туннелю. Идти было легче, чем я думал: низкая

тяжесть позволяла делать длинные, плавные шаги, и я почти парил над камнем. Вендиджи держался за мной, держа верёвку наготове. Светящиеся нити становились всё гуще, и вскоре мы вышли в огромную пещеру — такую большую, что её дальняя стена терялась в сумраке. Своды её терялись в высоте, и оттуда, сверху, доносился слабый, ритмичный гул, похожий на далёкое дыхание.

И тут случилась беда.

Я почувствовал, что воздух в трубке стал другим — спёртым, тяжёлым, словно кто-то перекрыл доступ. Я потянулся к клапану на баллоне за спиной и нащупал его пальцами в перчатке. Кран был мокрый от конденсата и, кажется, треснул: металл поддавался слишком легко, а из-под прокладки с

шипением выходил воздух. Я крутил его, пытаясь закрыть, но он проворачивался вхолостую, и я с ужасом понял, что баллон стремительно пустеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.